

ОСЕНЬ

*Посвящается
Джилли Буш-Бейли,
до встречи на следующей неделе*

*и Саре Маргарет
Харди многолетней Вуд*

Маем станет вам зима,
Будут вам давать сады
Небывалые плоды.

Уильям Шекспир¹

При нынешних темпах эрозии почвы
Британии осталось собрать всего сотню
урожаев.

«Гардиан» от 20 июля 2016 года

Мы лежали в пшенице, на солнце,
зеленые, словно трава.

Осси Кларк²

Если бы мне судилось познать здесь
с тобой счастье, какой короткой показа-
лась бы самая долгая жизнь!

Джон Китс

Нежно разрушьте меня.

У. С. Грэм³

¹ «Буря», акт 4, пер. М. Донского.

² Реймонд «Осси» Кларк (1942–1996) — английский модельер, одна из ключевых фигур «свингующих 60-х».

³ Уильям Сидни Грэм (1918–1986) — шотландский поэт, часто ассоциируемый с Диланом Томасом и неоромантической поэтической группой.

1

Это было худшее из всех времен, это было худшее из всех времен. В очередной раз. В этом суть вещей. Они распадаются, всегда распадались и всегда будут распадаться — такова их природа. Потому старого старика выбрасывает на берег. Он похож на проткнутый футбольный мяч с разошедшимися швами — типа тех кожаных, что люди пинали сотню лет назад. Море было бурным. Оно сорвало рубашку с его спины. Слова, нагие, словно я в день своего рождения, у него в голове, которую он поворачивает, но от этого больно. Так что старайся не двигать головой. Что там у него во рту — песок? Это песок у него под языком, он его чувствует, слышит, как тот скрипит на зубах, пока он поет песнь песка: я мелкая взвесь, но включаю мир весь, если ты упадешь, я всегда буду здесь, на солнце сверкаю, следы заметаю, посланье в бутылке, бутылка в волнах, стекло — тоже я, но для жатвы трудней нет зерна

нет зерна

Али Смит

Слова песни улечучиваются. Он устал. Песок во рту и в глазах, последние крупнцы в горлышке песочных часов.

Дэниэл Глюк, твой люк наконец закрыт.

Он насилу открывает склеенный глаз. Но...

Дэниэл сидит на песке и камнях

...так вот она какая? В самом деле? Это и есть смерть?

Он заслоняет глаза. Очень яркий свет.

Солнечно. Но при этом ужасно холодно.

Он сидит на песчаном каменистом берегу, очень резкий ветер, солнце, конечно, светит, но не греет. Вдобавок голый. Немудрено, что ему холодно. Он опускает взгляд и видит все то же старое тело, изувеченные колени.

Он думал, что смерть очищает человека, сдирает с него гниющую гниль, пока он не становится легким, как облачко.

Похоже, в конце ты остаешься на берегу той самой личностью, которой был в момент ухода.

Если б я знал, думает Дэниэл, то постарался бы уйти в двадцать—двадцать пять.

Только добро.

Или, возможно (думает он, прикрывая рукой лицо, чтобы не оскорбить возможного наблю-

дателя, когда ковыряется в носу или рассматривает, что туда набилось, — это песок, прекрасные подробности, непривычная цветовая гамма распыленного мира, а затем вытирает его с кончиков пальцев), это и *есть* моя очищенная личность. В таком случае смерть — горькое разочарование.

Спасибо, смерть, что уделила мне время. Прошу извинить, но мне надо вернуться к этой, как его, жизни.

Он встает. Это не так уж и больно.

Ну вот.

Домой. В какую сторону?

Он разворачивается на сто восемьдесят градусов. Море, берег, песок, камни. Высокая трава, дюны. За дюнами — равнина. Вдоль равнины — деревья, полоска леса, которая бежит обратно к морю.

Море странное и спокойное.

Потом его вдруг поражает, как непривычно хорошо он сегодня видит.

В том смысле, что я вижу не только вон тот лес, вон то дерево и вон тот лист на вон том дереве. Я вижу черенок, соединяющий вон тот лист с вон тем деревом.

Он может рассмотреть наполненную семенную шапку на конце любой травинки вон на тех

Али Смит

дюнах в таких подробностях, как будто пользуется оптическим зумом. Опуская взгляд на собственную руку, он видит не только свою руку в фокусе и не только налет песка на ладони, но даже несколько отдельных крупинок, так четко очерченных, что можно различить их края, хотя он (рука поднимается ко лбу) *без очков!*

Ну что ж.

Он стряхивает песок с ног, рук и груди, а затем и с ладоней. Наблюдает за полетом осыпающихся крупинок. Опускает руку и набирает в нее песка. Только взгляни. Как много.

Припев:

Сколько миров держит рука.

В горстке песка.

(Еще раз.)

Он раскрывает ладонь. Песок высыпается.

Теперь, встав на ноги, он чувствует голод. Разве можно быть мертвым и в то же время голодным? Разумеется, можно: все эти голодные духи, пожирающие сердца и души людей. Он полностью разворачивается к морю. Он не плывал на лодке больше пятидесяти лет, к тому же это на самом деле не лодка, а жуткий новомодный бар, заведение для речных вечеринок. Он садится на песок и камни, но болят кости

в его... он не хочет выражаться, там дальше на берегу девушка, болят как, он не хочет выража...

Девушка?

Да, окруженная кольцом из девушек, исполняющих волнообразный танец, похожий на древнегреческий. Девушки довольно близко. Они приближаются.

Так не годится. Нагота.

Он снова смотрит новыми глазами туда, где минуту назад было его старое тело, и понимает, что мертв — наверное, мертв, безусловно, мертв, ведь тело не такое, как в последний раз, когда он смотрел на него: оно выглядит лучше, выглядит довольно хорошо, как и положено телу. Оно кажется очень знакомым, очень похожим на его собственное, но в ту пору, когда оно было молодым.

Девушка рядом. Девушки. Его охватывают сладкая глубокая паника и стыд.

Он бросается к длинным, поросшим травой дюнам (он умеет бегать, бегать по-настоящему!), прячет голову за пучком травы, проверяя, никто ли не следит, никто ли не идет, и — сломя голову (снова! даже не запыхавшись!) через равнину к лесу.

В лесу можно укрыться.